https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.5.13

Фидарова Рима Японовна, Кайтова Ирина Анатольевна

ГЕРОЙ И НАРОД В ДРАМЕ Е. БРИТАЕВА "АМРАН"

В статье исследуются сложные связи героя и народа в драме Е. Бритаева "Амран", формирующие структурно-содержательные особенности, идейно-художественную проблематику и систему художественных образов. Нами установлено, что Е. Бритаев в своей драме отходит от мировой литературной традиции трактовки темы Прометея. Отмечается, что Бритаев не следует и фольклорной традиции: в осетинском фольклоре существует множество сюжетов о прикованном к скале Амране, но автор драмы отходит от символизма фольклорного образа Амрана, поскольку пытается ответить на вопросы, поставленные социально-исторической обстановкой в Осетии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/5/13.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 5. С. 58-62. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82-31 Дата поступления рукописи: 17.02.2019
https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.5.13

В статье исследуются сложные связи героя и народа в драме Е. Бритаева «Амран», формирующие структурно-содержательные особенности, идейно-художественную проблематику и систему художественных образов. Нами установлено, что Е. Бритаев в своей драме отходит от мировой литературной традиции трактовки темы Прометея. Отмечается, что Бритаев не следует и фольклорной традиции: в осетинском фольклоре существует множество сюжетов о прикованном к скале Амране, но автор драмы отходит от символизма фольклорного образа Амрана, поскольку пытается ответить на вопросы, поставленные социально-исторической обстановкой в Осетии.

Ключевые слова и фразы: драма; герой; действие; литературная традиция; фольклор; Е. Бритаев.

Фидарова Рима Японовна, д. филол. н., профессор
Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В. И. Абаева Владикавказского научного центра Российской академии наук
irinakaytova@mail.ru

Кайтова Ирина Анатольевна, к. филол. н.
Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова, г. Владикавказ
irinakaytova@mail.ru

ГЕРОЙ И НАРОД В ДРАМЕ Е. БРИТАЕВА «АМРАН»

Обращение Е. Бритаева к теме прикованного Амрана было не случайным. Как отмечал Н. Джуссойты, «Амран» – это глубокое раздумье Бритаева о путях и средствах освобождения «страждущего человечества», о типе революционного образа и революционном подвиге [2, с. 205]. Вот что писал автор в своем письме к невесте Ольге Казбек: «Люди проливают свою кровь за обездоленных, обрекают себя всю жизнь на скитания. Их топчут в грязь, мучают, над ними надругаются! Все лучшее в человека смешивается с помоями. Тысячи наших братьев копошатся в грязи, создают богатство и роскошь для других, в то время как сами гибнут. Все что я сейчас перед собой вижу. Ничем не могу помочь, опускаю руки бессильно и отворачиваюсь. Это ли не позор, а вы говорите о нашем личном беспокойстве… Что значат наши с вами страдания в сравнении с горем всего человечества…» [1, с. 113].

Сам Бритаев активно боролся всеми доступными ему средствами за освобождение угнетенного народа. Как заметил К. Ходов, «в творчестве самого Е. Бритаева множество красноречивых примеров мудрого, диалектического подхода к весьма непростой социально-политической атмосфере времени, в котором ему выпала доля жить и творить» [11, с. 28].

Как писал А. Тибилов, могучий титан Амран, прикованный Громовержцем к Кавказской скале, символизирует, по замыслу Бритаева, порабощенное человечество, которое в близком грядущем сбросит с себя оковы материального и духовного рабства. В основе «Амрана» лежит осетинский вариант известного мифа о великом похитителе небесного огня Прометее. Эта глубокая по скрытому в ней смыслу легенда послужила источником одной из вечных идей, к которым мировая литература возвращалась в разное время [10, с. 114]. Сопоставив идейно-художественную трактовку образа Прометея в мировой литературе с «идеологией и формальной разработкой» образа Амрана, проф. Л. П. Семенов еще в 1928 г. отмечал: «От времен Эсхила до нашей эпохи установилась традиция, освещенная примером многочисленных авторитетных художников, – традиция использования сюжета в греческой трактовке. Как у поэтов древности, так и у последующих поэтов на первом плане всегда полубоги и боги: люди, из-за любви к которым пострадал Прометей, обычно остаются в тени… Упоминание о Кавказе носит условный характер; ни природа, ни жители Кавказа реально никем изображены не были. Не были затронуты также и кавказские легенды об Амране…» [9, с. 3]. В драме же Е. Бритаева, как подчёркивает далее исследователь, все иначе: «Перед нами настоящий Кавказ, настоящие горцы, мифические существа высших рангов не выступают в драме как действующие лица, а прочие – Ныфс и горные духи – значительно очеловечены. Интерес драматического действия построен на судьбе не Амрана, двойника Прометея, а пастуха Беса, пытающегося освободить скованного героя. Помимо этого, основного мотива, в пьесу вплетен другой, издавна известный в мировой поэзии, но получивший здесь самостоятельную разработку – мотив борьбы сильной личности с семейными и общественными косными традициями. Для того чтобы быть способным на великий подвиг, – освобождение Амрана – Беса должен пройти ряд трудных испытаний» [Там же].

Особенности «ломки литературной традиции» в драме «Амран» подчеркивал и другой исследователь – Н. Джусойты, заметив, что это «очеловечение» действующих лиц, «выдвижение на первый план судьбы борца за освобождение Амрана-Прометея, а не самого богоборца; это, наконец, отказ от условности места действия, быта и психологии» [3, с. 191].

Если обратимся к истории вопроса, то заметим, что в центре внимания Эсхила, Гете, Шелли и др. был сам образ Прометея, воплотивший социально-философскую проблематику (богоборство, тираноборство, свободу личности).

Осетинский писатель Е. Бритаев решал другие творческие задачи, которые поставила перед ним эпоха освободительной борьбы в первое десятилетие XX века. И потому драматург выдвигает на первый план борца за свободу пастуха Беса, одного из тысячи простых смертных в его сложных взаимоотношениях с народом. В драме Е. Бритаева показаны поиски героем пути и возможности освобождения прикованного к скале Амрана, его нравственное и умственное совершенство. Именно в этом проявляется новаторство Е. Бритаева в литературной традиции разработки темы Прометея в мировой культуре. Отсюда и некоторые другие художественные особенности драмы: реальность быта, обстановки, психологии.

Как известно, существует множество сюжетов об Амране-Прометее в осетинском фольклоре. Однако Е. Бритаев не следует фольклорной или мировой литературной традиции. Он прежде всего пытается ответить на вопросы, поставленные конкретной социально-исторической эпохой, поражением первой русской революции 1905-1907 гг. **Актуальность** статьи определяется тем, что появляется острая необходимость в глубоком осмыслении художественного отражения насущных проблем эпохи в творческом сознании выдающегося осетинского драматурга.

Научная новизна статьи обусловлена тем, что в ней впервые исследуется новаторство Бритаева, проявившееся в выдвижении им героем драмы не Амрана, а пастуха Беса, в самой постановке проблемы взаимосвязей героя и действительности, определивших логику развития как сюжетного действия, так и объективного исторического процесса.

Целью исследования стало раскрытие сути новаторства драматурга, **задачами** – определение путей решения Бритаевым проблем, поставленных социально-исторической эпохой поражения первой русской революции.

Как отмечал А. Тибилов, «“Амран” – лебединая песня Бритаева. В нем его талант достиг полной зрелости и развернулся во всю поэтическую силу. Оригинальность сюжета, глубина содержания, стройность композиции и стремительность в развитии драматического действия, яркость образов, необыкновенно красочный музыкально-сильный язык ставят “Амран” в ряд с лучшими образцами мировой литературы» [10, с. 115]. Замысел драмы созрел именно в эти годы, когда автор остро переживал за судьбу «страждущего человечества» и искал ответ на вопрос о том, кто в ответе за расстрел несчастных рабочих на Лене. Именно мучительные поиски пути освобождения угнетенных подтолкнули Е. Бритаева к обращению к теме Амрана-Прометея, к творческому осмыслению многочисленных фольклорных сюжетов об Амране, принявшем на себя муки страдания за угнетенный народ.

О том, какое значение придавал сам писатель драме «Амран», свидетельствует тот факт, что работал он над ней с 1910 по 1912 годы, но дальше черновых набросков первого действия не пошел, но затем вынужден был оставить свой замысел и лишь в 1922 году «сумел его выполнить в короткий срок, будучи тяжело больным» [2, с. 205]. Не удивительно, что именно в драме писатель определяет пути и средства освобождения угнетенных, создает своеобразный тип революционного борца, формирует собственные представления о революционном подвиге как высшей форме проявления героического.

Итак, отступление Е. Бритаева от литературной традиции осмысления образа Прометея состоит в том, что главным героем драмы является не Амран-богоборец, а пастух Беса, решивший во что бы то ни стало освободить Амрана, своего кумира, борца за свободу угнетенного человечества.

Философская основа драмы в том, что в ней остро поставлена проблема познания сокровенных тайн природы, в ней звучит необходимость и актуальность просвещения человеческого разума, пребывающего в состоянии глубокого сна. Потому стремление дать человеку власть над извечными тайнами вселенной также становится пафосом борьбы Беса за освобождение Амрана.

Ныфс (надежда Амрана) первоначально в драме порождена мудрой змеей, которая укусила пастуха Беса. Так, безумие, беспокойная, ищущая мысль, цель которой – познание извечных тайн природы, вселяется в сознание Беса. Она становится в дальнейшем источником, т.е. «причиной» всех последующих поступков героя, лейтмотивом его борьбы за освобождение Амрана.

Можно сказать, что драматург выделяет в качестве одного из путей достижения счастья угнетенным, страждущим человечеством просвещение, познание извечных тайн природы. Другой, более важный, вернее, действенный путь борьбы, по мнению писателя, – революционный. Но поражение Первой русской революции, год тюремного заключения поколебали веру Е. Бритаева в 1910-1912 годах в победу народных масс, и он откладывает замысел драмы на целое десятилетие, когда четко прояснились его представления о реальном революционном пути освобождения угнетенного человечества.

В 1920 г., вернувшись к замыслу драмы, писатель в символических обобщениях формирует свои представления о борьбе за судьбы страждущего человечества. Таким образом, он переходит от общефилософских раздумий к конкретике социально-исторической проблематики. И эта трансформация мировоззренческих взглядов драматурга определяет общую концепцию драмы. В результате символические обобщения в драме приобрели новый смысл, социально-исторический характер. Дело в том, что с содержанием символического образа Амрана связана тайна, которую простые смертные не в состоянии раскрыть и понять.

В среде читателей и исследователей этот образ-символ не был принят однозначно. В частности, вызвало недоумение и то, что Амран остается в драме неосвобожденным, Амран – символ свободы народа, символ его счастья, в чем же тогда главная идея драмы? Конечно, Амран – образ богоборца, защитника простых смертных, врага богов. В этом смысле в трактовке образа Амрана-Прометея Е. Бритаев остается верным общемировой литературной традиции. Как заметил Ц. Гадиев, «автор все время исходит из греческой вариации» [6, д. 7, л. 2].

Но в драме, как мы подчеркивали, все же главный герой не Амран, символ свободы и счастья. Еще в первой главе произведения Ныфс (надежда Амрана) говорит: «Враг небожителей, сын Апета распростерт на скале и, терзаемый орлом, обливает скалу кровью. Слезы его ручейком сбегают по скале. И тот, кому из людей доведется испить из этого источника, поймет страдания Амрана» [1, с. 75]. Вот почему Ныфс подбадривает Амрана, когда пастух Беса только сделал глоток из данного родника: «Амран, мой повелитель! Возрадуйся, явился один из твоих возлюбленных сыновей! Вкусил твоих слез, отныне в его сердце твои муки! Титан, твою надежду он принял от моих рук» [Там же].

Весьма символично и обращение Ныфс к Повелителю Страны (Басты хицау): «Сейчас проснется сын Амрана и станет искать своего отца, своего создателя. Теперь для него ты – больше не тайна! Покуда он не испил из слез Амрана, он не видел вас, теперь увидит. Трепещите!» [Там же, с. 63]. Прозревшему, проснувшемуся от спячки Беса она (Ныфс предстает в образе прекрасной девушки) поясняет: «Амран – ваш отец, ваш создатель. То ли забыли, то ли не знаете того, кто был первоначальным создателем. Вы были совершенны, все было у вас, только не было огня. Громовержец наказал Курдалагону: не дать огня земным людям, созданным из глины, иначе, мол, заполучив огонь, они сами станут стремиться к небесам. Люди жили как животные, – без огня, без дыма. Однажды Амран в темную ночь увидел на высокой скале синий огонь. И порешил взять оттуда огня людям. Прорвался он к этому костру и унес оттуда горящую головешку. А это был священный костер небожителей. Люди разнесли в разные стороны огонь и с тех пор горит в их очагах. Но громовержцы поняли, что Амран – их великий враг, ибо там, где он дал огонь своим созданиям, он будет внушать им стремление к небесам. Цепью, выкованной Курдалагоном, небожители приковали Амрана вот здесь, в этом потаенном месте, к скале. Натравили на него ненасытного орла и тот пожирает ему печень. Истомился он в вековечной муке. А я – надежда Амрана, любовь его сердца, но отделил он меня от себя, так во сто крат легче ему выносить нестерпимые муки» [Там же, с. 75].

Очевидно, что Е. Бритаев продолжает греческую традицию в трактовке образа Амрана-Прометея. Однако драматург идет дальше. Действительно, Амран как «символ веры и надежды людей в возможность борьбы против небожителей…» [2, с. 212] бессмертен. Но его ревниво прячут от людей те же небожители, боясь, что люди узнают об Амране и раскроют их тайну. Потому смертным не суждено увидеть Амрана, стать свидетелем его непомерных страданий за свободу и счастье людей, т.е. постичь правду и справедливость. И только тот из смертных, кто сумеет испить из родника его слез и крови, раскроет тайну небожителей, обретет правду. Пастух Беса как раз испил из этого родника, т.е. постиг правду, – в этом суть его подвига. Теперь его задача – открыть народу эту бесценную, священную правду. Мысль драматурга очевидна: «…путь к свободе лежит через осознание народом правды о себе и о своих повелителях, силой присвоивших себе право на “небеса”, заставивших людей поклоняться себе. Когда народ придет к идеям Амрана-богоборца, мученика, революционера, когда проникнется его правдой, надеждой и любовью, его страстью к борьбе, – то станет на верный путь борьбы к победе над небожителями, громовержцами. Привести народ к сознанию и деянию революционеров – в этом видит Бритаев путь к свободе» [Там же, с. 201].

Беса, испив из родника слез и крови Амрана, увидел его, постиг его правду и благородство, влюбился в его Ныфс (Надежду).

Однако трагедия Беса в том, что он одинок: видимо, и до него постигли тайну небожителей, т.е. открывали правду простые смертные, но они были одиноки, а потому борьба их не венчалась победой. Беса терпит поражение. Другое поколение революционеров, представленное в драме Цопаном, Саго и другими, сумеет осознать, что без помощи самого народа трудно будет добиться победы, ведь для победы недостаточно самоотверженной готовности идти на смерть, прежде всего, необходима повседневная работа по подготовке людей, масс к подвигу освобождения.

Сам Е. Бритаев осознал ленинское тактическое положение о том, что победу обеспечат «боевая организация революционеров и массовый героизм трудящихся масс» [5, с. 174] уже после поражения Первой русской революции. Когда Беса понял эту истину, в его сознании происходят изменения. Так, в начале первого действия драмы он, восхищаясь красотой Ныфс, говорит ей: «Солнце мое, из-за тебя я истолку горы и добуду тебе из-под земли алмазное кольцо, чтобы красовалось на твоей руке. Силой сорву с небес звезду утренней благодати, чтобы сияла с твоего прекрасного чела. Я одену тебя в дивный наряд, в порфиру, отливающуюся цветами лазури, расшитую жемчугом…» [1, с. 74]. В финале первого действия Беса уже сообщает ей: «Вместо алмаза я добуду тебе из очага небесного Курдалагона сталь. Вместо Звезды утренней благодати силой добуду из его очага огонь, не в порфиру и жемчугом расшитый шелк одену тебя, а проложу тебе дорогу обратно в твое вечное обиталище – в могучую грудь Амрана» [Там же, с. 172]. То есть, испытав на себе силу воздействия огня молний Громовержца, Беса становится умудренным бойцом, бесконечно преданным делу борьбы за свободу, но, что примечательно, лишенным романтических иллюзий.

Беззаветно предан Беса идее борьбы. Он с восторгом признается Надежде Амрана: «С юношеских лет о ком я мечтал, о тебе? В лесу и на полях, разглядывая бутоны цветов, в чашечке самого дивного из них не тебя ли я видел? Это тебя я ловил взглядом на белой гриве валов, когда на берегу моря блаженно глядел на игру волн? Это тебя видел на пышных вершинах плывущих по небесам облаков: дивную звезду, красу ночей не из-за тебя ли любил, она тебе лишь подобна?.. Да, правду ты сказала, меня постигло счастье. Мы, земные люди, смертны. И если кто-либо из этих смертных счастлив, то это я» [Там же, с. 76].

Беса настолько вдохновлен и восторженно настроен, что когда Ныфс предупреждает о большой опасности, ожидающей его впереди, восклицает: «Мне ли бояться? Мне?! Тому, кто из твоих золотых рук принял

надежду?! Молнии Громовержца? Пусть мечет их, если не скупится на них, я побросаю их с обрыва, подобно гнилым головешкам» [Там же, с. 79].

Далее Беса ждут новые испытания, которые способны повлиять на его веру. Эти испытания реальны, жизненны: людская косность, муки одиночества, непонимание и безразличие окружающих людей, ради которых он, собственно, жертвует жизнью, своей семьей, любовью – всеми земными благами и посвящает свою жизнь исключительно единой цели: ковке освободительной цепи для своего кумира Амрана.

Второе действие драмы посвящено описанию родной и естественной среды для пастуха Беса. Здесь он показан во взаимоотношениях с односельчанами, с народом, со своей семьей. Поскольку поступки и мысли Беса непонятны людям, то они его и прозвали безумцем. Даже любимая и любящая его жена не может понять его, не может постичь того безумия, что постигло ее «несчастного» мужа. Он совершенно одинок. Только лишь сын Цопан разделил с ним его тревоги, заботы, преставления о «правде Амрана», о необходимости активной борьбы за свободу и независимость. Хотя люди и не понимают его, не способны (пока что) разделить его идеи и убеждения, Беса не теряет надежды, усердно продолжает собирать железный лом, закаляет его в своей алой горячей крови и кует цепь. Он уверен, что люди в конце концов поймут и поддержат его. Так, он не перестает верить в перспективу для человечества, в доброту и благородство. «Хожу, брожу по всему миру, – говорит он своему сыну, – призываю и умоляю и тех, кто работает с молотом, и тех, кто орудует киркой, чтобы помогли мне донести спасительную цепь до места. Никто не слушает меня… Но не бойся, мой единственный последователь, пока не поняли, для чего нужна цепь… Когда поймут, то к этой кузнице будут ходить толпами, поклоняться… Я и ты, мой единственный сторонник, я и ты должны проложить Амрану широкий путь к светлому миру, вложив в труд наших молотов свой разум и свою надежду» [Там же, с. 123].

Но ошибка и ограниченность Беса в том, что он не поясняет окружающим, каково назначение созидаемой цепи и для кого она предназначена. Он один хочет совершить данный революционный подвиг, он сам хочет освободить Амрана. И это его стремление, его одиночество и приведут в конце концов к его гибели. Так, во втором действии автор разрабатывает конфликт между героем и косной, «темной», непросвещенной средой. Прав был Ц. Гадиев, охарактеризовавший конфликт между революционером и ограниченной мещанской средой. В частности, он писал: «Жизнь человечества идет двумя путями. Первый путь – это путь утробных интересов, стремление удовлетворить нужды сего дня. Это – путь людей, ползущих по земле, он враждебен Прометею-Амрану. Но есть другой путь – путь неуклонного стремления к добру для всех людей, к свету, путь смелых поисков свободы и небесного сияния» [7, д. 9, л. 3].

Ситуация осложняется и тем, что конфликт между героем и его средой вызван ошибочной позицией самого героя. Люди не понимают поступков Беса не потому, что отсталые и не способны постичь его высоких помыслов, а потому что он сам не спешит раскрывать им тайну Амрана. Он полагает, что когда придет время, когда они сами поймут его высокие цели и суть поступков, осознают благородство и гуманизм Амрана. Беса не считается даже с тем, что пока он скрывает тайну Амрана, Повелитель страны и его сторонники, враги Амрана и Беса, используют в своих интересах молчание пастуха. Они, прибегая к умелым пропагандистским методам, натравливают темный, непросвещенный народ на Беса, называя его безумцем, способным использовать помощь злых духов. Им начинают верить не только такие недалекие крестьяне, как Саго и Теса, но и сама жена его, Чабахан, любящая мужа, рассудительная женщина с сильным характером, с нелегкой судьбой. Когда-то она, прекрасная девушка, завидная невеста, полюбив безродного пастуха Беса, вопреки воле родителей перешагнув через строгие нормы адата, бежала с ним в горы. Если тогда она смогла уйти за безумно дерзким смельчаком Беса, то сейчас Чабахан не может понять, почему должна следовать за ним, поскольку даже ей, любимой жене, он не хочет объяснить, во имя какой высокой цели рискует своей жизнью. Как и все окружающие, Чабахан видит в поступках мужа исключительное безумство. Потому герой остается в гордом одиночестве.

Положение Беса действительно ужасно. Мало того, что его не понимают люди, но активно агитируют против него и его враги. В решительную минуту они готовят еще одну подлость, пустив слух, что обрушившиеся на народ страшные бедствия и испытания были вызваны безумными поступками Беса, его непослушанием воле небожителей.

Когда пастух Беса наконец-то изготовил заветную цепь, необходимую для освобождения Амрана, он должен был доставить ее к скале, месту его страданий, при этом ни разу не оглянуться назад, кто бы и как бы ни звал его обратно. Но темные, невежественные люди, окончательно возбужденные наветами врагов, вдруг стали звать Беса, умолять его вернуться и не навлекать на головы односельчан новых страданий, обвиняли его во всех своих несчастьях. Испугавшись того, что люди попали в трудную ситуацию, Беса оглянулся, намереваясь их успокоить. Но тут несчастье настигло самого пастуха: он оглядывается и погибает. Главное дело его жизни – освобождение Амрана – остается невыполненным.

Однако подвиг Беса очевиден: дело в том, что такой непросвещенный человек, как Саго, в прошлом ярый противник его, – вдруг становится его последователем и занимает место рядом с сыном Беса, Цопаном, решившим довести начатое отца до победного конца. Таким образом, остается надежда, что революционное дело освобождения Амрана, борца за свободу и счастье народа, победит. Беса полностью выполнил свой патриотический долг, сделал все, зависимое от него, для спасения Амрана, причем в тяжелых условиях непонимания окружающих людей, нищеты, жертвуя своей жизнью, счастьем своей семьи.

Погиб Беса как герой, но как герой-одиночка, не пожелавший позвать людей на помощь, не вдохновив их своей благородной целью – освобождения Амрана, страдающего за народ. Его примером драматург показал, как важно сотрудничество с людьми, привлечь их на свою сторону, совместными усилиями бороться за общие,

благородные цели. Символичны слова Ныфс (Надежды Амрана): «Я надежда Амрана, я душа Амрана! У меня могучие крылья, явлюсь народу и буду их звать к свободе, они будут стремиться ко мне и придут сюда за мной» [1, с. 175]. Таково же мнение и Цопана, сына Беса: «Я, клянусь прахом отца, – говорит он, – передам народу мысли отца. Я, клянусь прахом отца, дерзко взгляну на нашу вечную тайну, если даже при этом ослепну. Я, клянусь прахом отца, я тот, кто разрушит с народом ваше темное логово», – добавляет он, обращаясь к небожителям [Там же, с. 176]. Уже не один герой-одиночка, а целая плеяда революционеров (Ныфс, Цопан, Саго и другие) отправляется к людям, чтобы поведать им тайну Амрана, правду Беса. Внутренне преображаются и сами герои-революционеры. Скажем, если в первом действии Ныфс, представленная в образе прекрасной молодой девушки, поседевшей от тысячелетнего ожидания спасения Амрана, горестно скорбит от безысходности и неопределенности своей судьбы, судьбы Амрана, то уже в последней картине драмы она приобретает уверенность в будущем.

Е. Бритаев глубоко знал жизнь и быт осетинского народа, его этнографию, мифологию, фольклор. Трудно назвать другое произведение, где бы так верно были показаны осетинские обычаи, религиозные и бытовые обряды народа. Новаторство Бритаева проявилось в выдвижении им героем драмы не Амрана, а пастуха Беса, в глубоком осмыслении взаимосвязей героя и действительности, определивших логику развития сюжетно-композиционного построения произведения, в выявлении двух путей борьбы за счастье угнетенного народа и их художественного воплощения.

Список источников

1. **Бритаев Е. Ц.** Сочинения: в 2-х т. Орджоникидзе: Ир, 1981. Т. 1. 302 с.
2. **Джусойты Н.** Е. Бритаев. Очерк жизни и творчества. Цхинвали: Госиздат Юго-Осетии, 1963. 223 с.
3. **Джусойты Н.** История осетинской литературы: в 2-х кн. Тбилиси: Мецниереба, 1985. Кн. 2. 303 с.
4. **Дзаттиаты Г.** Творчество Е. Бритаева в осетинской литературной критике. Цхинвали: Ирыстон, 1982. 242 с.
5. **Ленин В. И.** Полное собрание сочинений: в 55-ти т. Изд-е 5-е. М.: Госполитиздат, 1959. Т. 6. 619 с.
6. **Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева Владикавказского научного центра Российской академии наук и Правительства Республики Северная Осетия-Алания** (НА СОИГСИ). Литературный отдел. Ф. 1. Оп. 1.
7. **НА СОИГСИ.** Литературный отдел. Ф. 1. Оп. 4.
8. **НА СОИГСИ.** Литературный отдел. Ф. 12. Оп. 1.
9. **Семенов Л. П.** «Амран», драма осетинского писателя Е. Ц. Бритаева. Источники и анализ драмы. Владикавказ: Гос. кн. изд-во, 1929. 33 с.
10. **Тибилов А.** Сборник сочинений. Цхинвали: Иристон, 1988. 253 с.
11. **Ходов К.** Слово о Бритаеве // Бритаев Е. и проблемы современной осетинской литературы: сборник материалов Региональной научно-практической конференции, посвященной 120-летию со дня рождения Е. Бритаева. Владикавказ: Ир, 2002. С. 25-31.

THE HERO AND THE PEOPLE IN E. BRITAEV'S DRAMA "AMRAN"

Fidarova Rima Yaponovna, Doctor in Philology, Professor
V. I. Abaev North-Ossetian Institute of the Humanities and Social Studies of Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences and the Government of the Republic of North Ossetia-Alania
irinakaytova@mail.ru

Kaitova Irina Anatol'evna, Ph. D. in Philology
North Ossetian State University named after Kosta Levanovich Khetagurov, Vladikavkaz
irinakaytova@mail.ru

The article studies complex relations of the hero and the people in E. Britaev's drama "Amran", which form structural and content features, ideological and artistic issues, and the system of artistic images. The authors have found out that in his drama, E. Britaev departs from the world literary tradition of Prometheus theme interpretation. It is noted that Britaev does not follow the folk tradition either: in the Ossetian folklore, there are many stories about Amran chained to the rock, but the author of the drama departs from the symbolism of Amran's folk image, as he tries to answer the questions raised by the socio-historical situation in Ossetia.

Key words and phrases: drama; hero; action; literary tradition; folklore; E. Britaev.